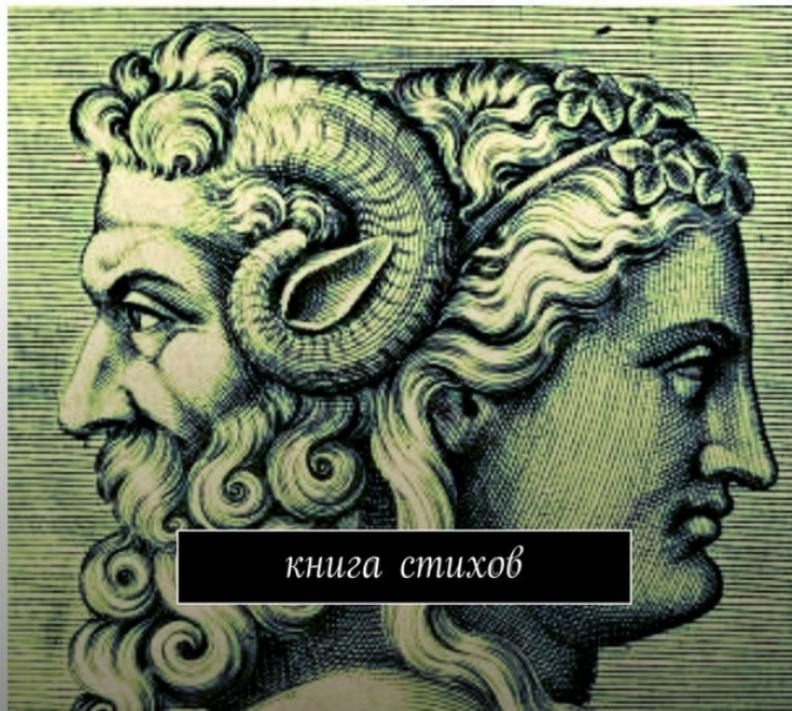

Ян Тробиштейн

Две стороны медали

книга стихов

Ян Пробштейн
Две стороны медали.
Книга стихов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26107983
ISBN 9785448571794*

Аннотация

«Две стороны медали» – 10 книга стихов Яна Пробштейна, известного поэта и переводчика. Воспоминания о детстве перемежаются со впечатлениями о странствиях и размышлениями о парадоксальности, изменчивости и метафизичности мира и нашего видения. «Его книги – лирическое свидетельство, документ эпохи и потому поэзия». Владимир Микушевич «У Пробштейна есть лирические, можно даже сказать – исповедальные стихи, чего никогда не заменишь техническими изысками и богатой эрудицией». Юрий Орлицкий

Содержание

Отзывы	7
Жемчужина	10
Арсению Тарковскому	12
Из детства	13
Млечность мира	14
Двор, утопающий в зелени	16
Привкус детства	18
Все начинается с печенья	19
Книга-парус	20
Крапивный ожог	22
В поисках Атлантид	24
Чините сети и латайте парус —	26
Истома, истома...	28
Губительный изгиб	29
Проросли в душе пророчества	30
Нежный ужас	31
Грехопадение	32
Мы слов стыдились нежных, как апрель	33
Ослепленность	34
Априюль меня, примаюнь меня	35
Сброшенные шкуры	36
Читая «Лолиту»	37
Видение	38

Не стаю лебедей	40
А невесомость – это страх	42
Как льётся свет	43
Щегол	44
Болящий дух	45
Краков	46
Перемышль	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Две стороны медали

Книга стихов

Ян Пробштейн

*Ян Пробштейн Copyright ©1994, 2000, 2005,
2014, 2017*

*Ian Probststein Copyright © 1994, 2000, 2005,
2014, 2017*

All Rights Reserved

© Ян Пробштейн, 2017

ISBN 978-5-4485-7179-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В эту книгу вошли как ранние стихи так и стихи, написанные в последующие годы. Многие из стихов, вошедших в эту книгу, были в разные годы опубликованы в «Новом мире», «Арионе», в «Новом Журнале», «Стрельце», в журналах «Время и Мы», «Семь искусств», «Новая юность», «Плавучий мост», «Крещатик», «Гвидеон», «Литература», «Сетевая словесность», «Журнал ПОэтов», «Этажи», «Новые облака», «Окно», «Квадрига Аполлона», «Textura.by», в альманахах «Новая кожа», «Зарубежная Россия», «Мин-

ская школа», «Связь времен» и в других периодических изданиях, в том числе электронных.

ОТЗЫВЫ

У Яна Пробштейна острый взгляд, часто ироничный. Ирония свойственна либо надменному невежеству – либо сравнивающему многознанию. В последнем случае – а речь об этом – здесь драгоценное сочувствие к предмету и воля к улучшению жизни. Это стихи культурного, думающего человека, подверженного, в связи с этим, и унынию, и отчаянию – чему не подвержены те, кто не думает. (*Владимир Леонович*, из рецензии на книгу «Времена и годы» в издательство «Советский писатель», 20. 03. 1986. Книга не была опубликована по не зависящим от автора и рецензента причинам.)

Яну Пробштейну не откажешь в одном: он верен себе, а из этого следует, что и в главном ему тоже не откажешь. Его книги – лирическое свидетельство, документ эпохи и потому поэзия. Бывают поэты, каждая книга которых сводится к стихотворению, даже если таких стихотворений несколько. У Яна Пробштейна наоборот: каждое его стихотворение разворачивается в остальную книгу и даже продолжается в других его книгах, куда оно не вошло.

(*Владимир Микушевич*).

В последнее время Пробштейн завоевал прочную репута-

цию переводчика и знатока зарубежной поэзии, прежде всего английской. Включенные в «Инверсии» переводы еще раз подтверждают это. Но есть у Пробштейна собственно лирические, можно даже сказать – исповедальные стихи, чего никогда не заменишь техническими изысками и богатой эрудицией. (*Юрий Орлицкий*, из рецензии на книгу «Инверсии», «Библиоглобус»).

«В мифе о языке заключена тайна, которая не переводима на другие языки, да и, возможно, вообще не переводима. Следуя своему трактату «Миф и поэзия» («Новый журнал», 196, 1995), Пробштейн пытается разрешить эту задачу. Школа художественного перевода, которую он прошел в Москве у А. Штейнберга, знакомство с А. Тарковским и С. Липкиным, разумеется пошли ему на пользу – прежде всего в смысле стихотворной техники и, конечно, литературного кругозора. <...> Он знает, например, что своими языковыми экспериментами он заговаривает безмолвие, в котором сходятся все гармонические идеалы. Он знает, что настоящий поэт должен это безмолвие принять, а затем его переступить. (*Дмитрий Бобьшев*, «В поисках философского камня», «Новый журнал» №203—204, 1996).

Стихи Пробштейна обращены к конечным вопросам бытия: тайна жизни и смерти – их осевая проблематика. Все остальное – темы, метрика, образы – подчинены задаче по-

казать, какими путями сознание стремится преодолеть противоречивость, изначально сопутствующую земному существованию. Стихи эти телеологичны. Тип сознания, предложенный ими, – становящийся, пронизанный болями и тревогами, устремлен к метафизической сущности окружающего мира. <...> Темы, понятия, образы и мифологемы поэзии Яна Пробштейна диалогически соотносимы с подобным рядом в поэзии переводимых им авторов. «Инверсии» дают нам редкую возможность осознать, насколько близкими по духу оказываются поэты, представляющие различные культуры, и насколько эти культуры суть элементы единой картины, отражающей пути духовных исканий человечества».

(Валерий Петроченков, «Новый журнал» №227, 2002.)

Жемчужина

Мать жемчуга, мать перла – перламутр
на дне морском стирает с перла муть.

Блестит, переливается жемчужина,
нам кажется, она Творцом разбужена,
а в сущности, что устрица? – моллюск,
на дне морском в ракушке сгусток слизи,
живой комочек, что достоин жизни,
как мы с тобой – комочки пыли, прах,
когда б не свет – тот отблеск, что в глазах...

В начале был почти неслышный хруст:
песок иль паразит застрял меж створок,
чтоб в углекислой слизи после стать
тем жемчугом, тем карбонатом кальция,
что глаз так радует, когда на пальце я
ношу его, забыв про персть под перстнем.

И мы с тобой глядим со дна времен,
как зреющие зрячие жемчужины,
на отблеск света, светом тем разбужены,
а в океане ока – оком.

Арсению Тарковскому

Хрусталика глазного кривизна
ни утешенья не приносит, ни спасенья,
но всё же искривляя взгляд, она
надежду оставляет на прозреньё:

впиваясь в мир, поставленный вверх дном,
зрачок перевернуть его стремится,
а свет, изогнутый искривленным зрачком,
вливается в просторные глазницы,

но мир всё тот же и опять иной —
он вечен, как само непостоянство...
Как пёс, бежит зрачок передо мной,
разведывая грозные пространства,

и убежав за крайний край земли,
он разрушает торжество Эвклида,
на параллели глядя, что вдали
и за спиною бесконечно слиты.

Из детства

Играла музыка. Кружились карусели
Летели мы на сказочных конях.
Захватывало дух, а рычага скрипели.
Что знали мы об этих рычагах?

Но карусельщик разогнал коней:
мелькали лица, дни летели,
круги все шире, все быстрее,
все незаметнее круги
мы как-то незаметно повзрослели,
и кто-то пересел за рычаги.

...А мы все кружимся на нашей карусели.

1970

Млечность мира

Младенческая млечность мира,
беспечное тепло печурки —
благим намерениям мера,
и слух неопытный, но чуткий,

зверьком застыл на задних лапах,
разноголосицу вбирая;
тревожил непонятный запах,
когда ещё застыв у края

вчера покинутых потёмок,
мы лишь присматривались к свету,
приняв и жизнь как бы спросонок,
и мир за звонкую монету.

Какие виды открывались!
Сон осенял, синь осиняла.
Когда росой умывались,
нас колыбель травы качала.

Теперь мы повидали виды,
цвета пока что не померкли,
но стали слишком нарочиты,

и чистоты лишились реки.

Как с той поры похолодало.
День отзвенел и смолкло эхо,
как звон разбитого бокала
и дребезг старческого смеха.

Стремясь расставить всё по полкам,
в запретную попал я область
и всё пытаюсь по осколкам
восстановить разбитый образ.

Двор, утопающий в зелени

Двор, утопающий в зелени,
звонкие игры ребячьи.
звуки трубы, виолончели,
вопли скрипки кошачьи, —

музыкальное общежитие,
тубы сверкает медь,
крики девичьи, птичьи...
как в детстве хотелось петь!

Мир, оглушающий звуками,
мир, ослепляющий красками,
почему-то затмился муками,
замутился мелкими дрызгами.

О каком говорить изгнании?
Выдумать ад искусственный?
Человек приходит в сознание,
кофе пьёт, идёт на собрание —
нормальный, в меру бесчувственный.
Случайное откровение
его из себя не выводит,
поскольку одно мгновение,

как положено, мигом проходит.

Но если у нас на спасение
надежда осталась из ада,
то это – лишь потрясение
от слова, музыки, взгляда...

Привкус детства

Отечество – как привкус детства
как чай вприкуску во дворе,
где заявлял права наследства
петух сварливый на заре.

Мир только шурился спросонок:
столь ослепительна трава,
у липы в буклях голова,
и день, как детский голос, звонок.

Впадает жизнь в своё начало,
и на другом материке
на непонятном языке
услышишь: «На колу мочало».

1990

Все начинается с печенья

с пылинки очень дальних стран —
ты выплываешь из забвенья,
пока туманится стакан.

Нет, не иголку в стоге сена
нащупываешь наугад —
дай, Боже, выволить из плена
полуистлевший аромат.

Как в гущу, в прошлое глядящий,
я над судьбою ворожу,
и в нищей сиротливой чаше
сухие рифмы ворошу.

1990

Книга-парус

Всегда хотелось в детстве продырявить географическую карту, чтобы проникнуть в разноцветную страну из книжек Грина – в Лис и в Зурбаган. Я отплывал на кораблях Колумба, в подаренной родителями книге, как парус, раскрывавшейся. Весь мир раскрыт передо мною был, как книга. Потом пора настала ближних странствий, обыденных забот и переездов, и я забыл про книгу с кораблями и вспомнил только много лет спустя, когда узнал, что мир вокруг опасен, что можно выйти в магазин из дома и через много лет назад вернуться, а дом снесли, срубили сад и липу, и на могилах выросла трава.

Но можно дом с собой носить по свету и в щёлку памяти, как в скважину замка, увидеть продырявленную карту и книгу-парус, липу и отца.

Крапивный ожог

Крапивный ожог или чай с малиной
упраздняет пределы пространства – свернув с хайвея,
бредешь по брусчатке, срастаясь с картиной, —
пешеходом под гору, еще левее —
деревянный барак, лопухи. Начало.
Бузина в огороде. Травяной рай,
где желанный кол и даже мочало
не измочалено жизнью: иди, выбирай,
примеряй будущее по плечу и росту
(в летчики бы пошел – пусть научат),
в будущее из детства смотреть просто,
даже если мысли о смерти мучат.

Серебристый голос и рубка дров.
Стоматит. Кормление с ложечки. Чтение сказок.
Не видать бы старенья матерей и отцов.
Не глядеть бы в лица посмертных масок.

«Липа». Шуберт над озером Нарочь,
и в зеркальную воду, что отравлена напрочь,
снова вхожу. И летят обертоны,
заглушая прибой нью-йоркского полдня.
Мы живем, корнями врастая во время,

подставляя ветрам поредевшие кроны,
о том, чего не случилось, помня.

Обживаю пространства, скряга и мот,
и кесарево отдаю суесловью.

Жизнь, золотая растрата, коль повезет,
ты подкатаешь к острову-изголовью,
и царевич выйдет из бочки на берег,
он не знает бессмертья и в смерть не верит.
Двор. Деревянный барак. Рубка дров.
И на свете так много еще островов.

1990

В поисках Атлантид

Выйдешь однажды из дома
звёзд не увидишь окрест,
темень ударит по темени,
как далеко от тех мест,

где – уж не вспомнишь – когда-то
царствовал чертополох,
княжила липа космато,
ближе казался Бог.

Я шашкой рубил крапиву
и выходил из боев
израненный и счастливый
в казачьих погонах репьев.

Детство чем дальше, тем ближе,
хоть поросли былём
дальние звёзды над крышей
и деревянный дом.

Снов коротких новеллы,
памяти свет слепит.
Надежды мои – каравеллы

в поисках Атлантид.

1994

Чините сети и латайте парус —

да будет нынче в утлом мире штопка!
Душа моя по всем морям металась,
но прошлое годится на растопку
и дым отечества — там, за кормой,
а мы опять в пути к отчизне дальней:
страна души — страда души с судьбой,
но плач детей страны многострадальной
в ночи сирен перекрывает пенье;
воск для ушей, а для души — терпенье.

1994

Давай же созидать и крылья альбатроса
и трели соловья, узоры мотылька,
гончарный круг и медь, и спицы, и колёса,
и крылья ветряка, и формулу цветка.

Создам ли из ребра ещё одно творенье —
и свет, и тьму, и твердь, и ангельское пенье?
Вчера ещё не смог бы — веры не хватало,
но я тебя увидел, адское зеркало,
не Беатриче, нет — ты мне явилась въяве,
небесное создание в дьявольской оправе,
и ужаснулся я, открыв тебя вчера:

душа и дух и плоть из моего ребра.

1995

Истома, истома...

Но – в счастье не веря —
из дома, из дома,
и – стук истукана,
испуг дон Гуана,
окара и кара
от рук истукана,
так Дант Алигьери
карал Даниэля,
и в счастье не веря, —
о, донна Анна,
прости, донна Анна...

1994

Губительный изгиб

Н. К.

Губительный изгиб,
излом бровей, излука —
из тетивы бровей, из лука
лучится свет или лукавство?

...За взгляд один отдать полцарства.

И гнев излит,
и злит излет
души на кромке
миров, где звонкий
ты встретишь день
или – потемки?

1994

Проросли в душе пророчества

многоячеством речей...

Многооко́сть одиночества —
одинаковость ночей,
где цветет на дне сознания,
на изнанке век, очей
смутный образ мироздания,
чуждый плод на древе знания —
непостижный и ничей.

1994

Нежный ужас

Н. К.

Пока не осужден – не сужен,
не знаешь, жив ли в самом деле:
когда приходит нежный ужас
с глазами раненной газели,
чужим страданием разбужен,
я выползаю из постели.
Бессонниц каторжные цепи.
Видений сумрачные сонмы.
Светает. Мрак для мира лепит
из света восковые формы.
А на заре великолепье
и щебет птиц тревожат сон мой.
Просторен мир, но в каждый день
вхожу я тесными вратами,
попробуй, бремена продень
в ушко иголки – за плечами
то ль два горба, то ль крыльев сень,
и нежный ужас пред глазами.

1995

Грехопадение

Грехопадение бесшумно: все мы
из детства изгнаны, как из Эдема.
В аду обетованном глас Адама
мы слышим в наших коммунальных куцах,
но стихнет он – в пустыне вопиющий
раздастся глас – ведут очередного
козла, как говорится, отпущенья,
а я паду в твои объятия снова,
чтобы в любви отмыть грехопаденье.

1997

Мы слов стыдились нежных, как апрель

мы чувств бежали искренних и звонких,
но грубой жизни злая канитель
в душе не затравила взгляд ребенка.

Прозрачные, как смех и Цинциннат,
взрослели, ускользая от цинизма,
пусть буду перед миром виноват, —
не этот плоский мир – моя отчизна:

я весь оттуда, где трепещет сад
на зеркале травы, где бродят лани,
и ты оттуда, и о том твой взгляд
мне говорит яснее восклицаний.

Но как узка тропинка, труден путь
над бездною безобразных видений,
и я молю, чтобы не соскользнуть
позволил опыт всех моих падений.

Ослепленность

Влю – ослепленность, одержимолость

вдох – выдох – вдох – новения.

Миг – и стекает изморосью изморозь.

Как задержать дыханье вдох – мгновения?

Априюль меня, примаюнь меня

приголубь меня, прижуравль меня,
среди синиц и кур я устал, авгур,
приручи меня, приволчи меня,
я устал от свор и устал от свар,
я устал от сук и собачьих ласк,
ведь не пес я, бес,
скучно мне среди дрызг —
обрати меня в твоего коня.

1995

Сброшенные шкуры

Век приучаемся мы к отчужденью
жизни живой, тренируясь при жизни
в самозабвении и умиранье,
так приучаются к самозакланию,
так постепенно – ступень за ступенью,
как по ступенькам, сходят с ума:
в сонной ли сини, в тихой квартире
снятся покинутые дома,
сброшенных жизней змеиные шкуры
и чередуются в яростном мире
вспышки горячечной температуры
с тряским ознобом злой лихорадки.

Этот – возвышен до самоповешенья;
падая, корчится Мышкин в припадке;
в полночь беседует с чертом помешанный...
девочка снится мужчинам, играет
с Гумбертом и Свидригайловым в прятки.

1995

Читая «Лолиту»

Истовых чувств исток
заперт, наложен запрет,
перебродил сок,
перебродил в бред.

Рвется нежная плоть,
мякоть из кожуры —
истому перебороть
в порыве адской игры

тщится тщедушный мозг,
шаток сознания мост,
сладок запретный плод,
но отныне запрета нет —

все дозволено тем,
кто в силах переступить
через табу, тотем,
чтоб жажду Лилит испить.

Видение

Лишившись угла и крова,
проживал я в театре теней,
лунных, солнечных, звездных,
вели они бой меж собою,
бесшумный, вечный, бескровный;
из земли извлекали корень
мандрагоры в лунные ночи,
тень собаки сажая на цепь,
и собачья тень издыхала
и снова садилась у корня.

Съев тень яблока, тени вещали,
исполнялись немислимой силы,
находили клады, рожали,
на врагов насыпали порчу,
весть о том несли вестовые,
на исходе дня удлиняясь,
а в безлунно-беззвездные ночи
укорачиваясь и корчась.

Там жили бесшумной жизнью
и бескровно там погибали:
тень склонялась над тенью с лаской

и другую тень пожирала,
на том месте трава рыжела,
видно солнце ее выжигало,
а лишённые собственных теней
растворялись в чистейшем эфире.

Там я с собственной тенью слился
и с другими сдружился тенями —
в безмолвной стране забвенья,
где жду я тебя с твоей тенью.

1995

Не стаю лебедей

Не стаю лебедей, не соколов
я выпускаю из ладоней,
и вот, являются из коконов —
(неотличимы от агоний
те напряженные мгновения
на грани смерти и рождения,
а просветленье – от безумия,
когда во тьме своих наитий,
склонясь над бездною Везувия,
натягиваю струны-нити
и с крутизны стола соскальзываю,
паря над пропастью топазовой) —

и, молчаливые, над бездною —
лишь слышится шуршанье крылий —
взмывают песней бесполезною,
храня налет небесной пыли,

быть может, просто однодневками,
а может – гордым махаоном,
но крыльями взмывают дерзкими
под изумленным небосклоном, —

пусть издыхающие гусеницы
влачатся по земле печальной, —
так некогда святые мученицы
и ведьмы на кострах молчали...

1992

А невесомость – это страх

А невесомость – это страх,
разрыв привычных уз, иллюзий,
И веской тяжестью в руках
не стать обыденной обузе.

Истончена моя печаль
до искры золотой в глазах,
до искрометного луча,
мечтающего о кострах,

но ткань реальности размокла —
неотличимы от пустот
заброшенные эмпиреи:
припоминая Эмпедокла,

по краю кратера ползет,
в пустынное жерло глаза,
замороженный светом крот.

Как льётся свет

Как льётся свет в небесный люк!
Гуляет по страницам ветерок,
а я на заре выпускаю из рук
птицу своих тревог.

Как безмятежно ясен день
и головокружительна зелень —
на меня же с неба падает тень
птицы моих смятений.

Как вечер тих, и ветер стих,
и ночь глядит на страницу,
а ко мне вернулась верная птица
и закрыла крыльями стих.

1993

Щегол

*До чего, щегол, ты щеголовит
О. Мандельштам*

Свет и свист, и щелк да щелк —
прилетел ко мне с утра,
разбудил и растравил,
взбудоражил до нутра,
посвистел он и умолк.

Ты растрáva, мой щегол,
укоризна легких крыл,
твой бесхитростный напев
не припомню, как ни тщусь,
растревожив мою грусть,
мне оставил, улетев,
отголосок, эхо, голк.

2011

Болящий дух

Болящий дух врачует песнопенье...

Е. Боратынский

Болящий дух смущают расстоянья—
прямые, рвущиеся из-под ног
за горизонт. И ложечкой в стакане
застыла пауза, чуть дрожа: молчанье
звонит на перекрестках всех дорог.

Болящий дух! Сосуд непрочный тесен
махровой дикой розе всех ветров;
далекий лекарь духу бесполезен,
осталось бы для странствий и для песен
немного хлеба и немного слов.

Уходит из-под ног дорога: где бы
ни оглянулся – неизменный луч
покажет перевернутое небо
и пол-луны краюхой пухлой хлеба,
а на подошвах ключья влажных туч.

Краков

Краков. Час Przeszły и Przyszły *
разделяются только одной
заколдованной гласной,
пережеванной ртом чужеземца.
Замурован дух королей на Вавеле,
а рядом почивают монархи державы иной —
Мицкевич, Словацкий —
по соседству с Пилсудским
в усыпальнице царской.

Краков. Час прошлый и пришлый
возвещает трубач на костёле Марьяцком
толпам зевак, запрокинувших головы к башне,
шей не жалея, уставивших зенки в зенит.
В готическом сумраке гаснет
многоречивый блуд ротозеев,
и сквозь барочную сладость творений
богоревнивого резчика Ствоша
мрачно взирает на них
Бог крестоносцев,
не мир принесший, но меч.

Польша. Час Przeszły и Przyszły

в образе сына с пулей в затылке
обнимает Matka Boska Katyńska.**

А в час настоящий
по воскресеньям Варшава на Гельде,
а вечером молится в храме.

В час настоящий
на Рош Хашана в полупустой синагоге
заезжий кантор,
почетный гость и потомок высланных силой,
призывает ветхозаветной молитвой
души расстрелянных в гетто
или сожженных в печах.

дымом они унеслись крематорским по небу
иль самолетом – назад не вернуться,
разве потомки заедут;
чтобы пожертвовать сотню-другую «зеленых»
на восстановление могил
да посмотреть, как в еврейском театре
дают пантомиму
на темы Ицхака Переца, —
милое светопреставленье для тех,
кто не видел Освенцима.

Смысл затуманен месивом ног,

и не жалея ладоней,
американские дамы
охают вместе со стайкой
мирно щебечущих немцев.

Польша. Час Przeszły и Przyszły
соединились навечно в костёле
святого Костки, где на могиле отца Попелюшко***
объединились поляки в молитве
для терпеливой борьбы и гневной надежды.

сент – 2 окт. 1988

* Будущее и прошедшее время (польск.)

** Катынская Богоматерь (польск.)

*** Католический священник, убитый агентами службы
безопасности при Ярузельском.

Перемышль

Галиция. Уютный городок,
баюкающий в сквере стариков, —
они досматривают сны о жизни
в воскресный вечер на скамейках-люльках,
их площадь Рынка говором ласкает,
и цокают вопросы: «Co się stało?»
и гербовый медведь застыл на страже,
пустой фонтан и город охраняя.

Мир на земле. На кладбище. Во храмах.
Вот пани Фелнер видит сон о муже.
умершем только десять лет назад.
Он погребен на кладбище еврейском,
(верней, на пяточке средь запустенья)
с расстрелянными рядом, вместе с ними
пан Фелнер проживал однажды в гетто.
Счастливики-супруги в катакомбах
скрывались, добывая по ночам
объедки (люди добрые кормили);
но все ж их не увез в Освенцим поезд,
как всю родню, и пуля миновала,
и вот теперь он может спать спокойно,
соединившись навсегда с землей.

Объездила полмира пани Фелнер,
подружек навещая, но вернулась
сны досмотреть об этой странной жизни.

Мир на земле. На кладбище. Во храмах.
Неторопливый городок, взбираясь
мощенной узкой улочкою в гору,
минует храм Крестителя – поодаль
играет марши духовой оркестрик,
церковный, видимо: в накидках белоснежных
поверх «вареных» джинсовых костюмов
подростки так старательно выводят
«Прощание славянки» на прощанье.
(среди герани из окна напротив
старушка бойко хлопает в ладоши).
А улочка взвивается все выше,
минуя «кармелиток босоногих»,
взбирается на Замковую гору,
здесь ноги могут отдохнуть немного,
а взгляд скользит по черепичным крышам,
по куполам и треугольным шпилям
туда, где автобаза в синагоге
и каменисторуслый Сан вскипает.

Мир на земле. На кладбище. Во храмах.
Войны как будто не было. Как будто.

И я бы мог родиться здесь однажды,
в гимназии Словацкого учиться

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.